

Глава 5. Правду на словах не докажешь

—

— Я же говорил, что череп — место хрупкое. Судя по внешним ранам, у молодого господина на затылке лишь шишка от удара, это не беда. Но вот что случилось внутри головы — так просто не разглядишь.

Старый лекарь погладил бороду и продолжил:

— Раньше, при осмотре, я полагал, что обморок вызван просто ударом, и никак не ожидал, что всё обернется вот так. Впрочем, случаи, когда люди на время забывают прошлое, не единичны. С этим можно жить обычной жизнью, так что не стоит слишком уж нервничать и убиваться.

У Шужуя сердце упало. Он спросил врача:

— И когда же такие симптомы пройдут?

— У кого-то за три-пять дней всё налаживается, а у кого-то и через три-пять лет — не угадаешь.

Услышав про «три-пять лет», Шужуй почувствовал, как в глазах потемнело. Он взмолился:

— Неужели это нельзя вылечить?

— Мои познания в медицине поверхностны, я на таком не специализируюсь. Гер, вам лучше отвезти молодого господина в столицу префектуры, поискать лекаря поопытнее. Слышал я, что в префектуре Чаоси живет мастер иглоукалывания, большой умелец по части всяких редких и запутанных недугов.

Когда Шужуй провожал лекаря, его походка была нетвердой. Возвращаясь, он чуть не врезался в юношу, который стоял у двери и ждал его. Сил злиться уже не осталось; Шужуй бессильно опустился на табурет. Все навалившиеся за день события вымотали его и душой, и телом.

— Ты хоть помнишь, где твой дом?

Услышав вопрос, юноша покачал головой.

Шужуй и не надеялся на другой ответ:

— Я помню, у тебя был узел с вещами. Давай-ка посмотрим, может, там есть какие-нибудь зацепки.

Юноше не очень понравился тон Шужуя, но спорить он не стал — побоялся, что они снова разругаются, и послушно принес сверток.

Шужуй принял узел и уже собирался его развязать, но, подумав, решил, что пусть владелец сделает это сам. Сверток был небольшим; стоило развязать узлы на столе, как содержимое рассыпалось: мешочек с засохшей, твердой как камень провизией, несколько баночек и склянок с мазями и... и две пары сменных исподних штанов...

Щеки Шужуя слегка покраснели. Ему вовсе не улыбалось подолгу разглядывать личные вещи молодого мужчины, но было кое-что весьма странное: на штанинах этих исподних штанов... криво-косо были вышиты два иероглифа. Шужуй долго всматривался, прежде чем разобрал: «Лу Лин» (□□).

— Это моё имя? — Лу Лин подобрал штаны, провел подушечкой пальца по стежкам и с сомнением посмотрел на Шужуя.

— Ты меня спрашиваешь? — Шужуй округлил глаза. Откуда ему было знать?

Да и вообще, какой нормальный человек станет вышивать своё имя на исподнем? Неужто боится, что его украдут? Скорее уж это работа какой-нибудь девицы или гера, хотя мастерство вышивки было такое, что хуже и не сыщешь.

Лу Лин смотрел на штаны, и в его мозгу промелькнуло смутное воспоминание. Будто бы какая-то баня, куча мужчин заходит и выходит, никто особо не церемонится. Всякий раз, когда он выходил, обернувшись полотенцем, своих штанов он найти не мог... Но стоило попытаться вспомнить подробнее, как голова снова начала болеть.

Лу Лин нахмурился. Не в силах вспомнить, он с надеждой спросил Шужуя:

— Это не ты мне вышил?

Лицо Шужуя вспыхнуло:

— С какой стати я стал бы вышивать такое? Может, зазноба твоя какая постаралась, так что не пытайся свалить вину на меня и испортить мою репутацию без причины.

Лу Лин промолчал, подумав про себя: «Какой же он колючий».

— Раз тебе не нравится, я их выброшу.

Шужуй изумленно уставился на него:

— Выбросишь? А в чем ходить будешь?

И то правда: если выбросить, новые быстро не сделаешь. Верхнюю одежду еще ладно, но нижнюю нельзя же носить по десять-пятнадцать дней не меняя. Лу Лин, держа штаны в руках, на миг замялся.

У Шужуя заныла голова. И зачем он только начал обсуждать чужое белье?

— ...Видно, ничего больше нет. Сам убирай свои вещи.

Лу Лин послушно связал узел обратно.

Шужуй хотел было улизнуть из комнаты, но в этот момент пришел слуга почтовой станции и спросил:

— Будете ли вы продлевать постой на завтра? Не хотел беспокоить, но только что прибыл караван — человек пятнадцать. Они собираются распродавать заморские товары по окрестным деревням и планируют задержаться здесь на три-пять дней. Мест на станции не хватает, вот я и пришел узнать: будете завтра съезжать или остаетесь? Нам нужно распределить комнаты.

Услышав про комнаты, Шужуй вспомнил, что в спешке снял только одну.

— Я как раз хотел попросить еще одну комнату, хорошо, что вы зашли.

— Еще одну? — слуга удивленно посмотрел на Шужуя, затем на Лу Лина, но, будучи парнем

сообразительным, лишних вопросов задавать не стал: — Гер, караван только что разместился, свободных комнат больше нет. Разве что в общей комнате еще можно пристроить одного-двух человек.

Шужуй оказался в затруднении, но не успел он и рта раскрыть, как Лу Лин, молчавший до этого, понуро вышел из комнаты и направился напрямик к общим комнатам. Шужуй посмотрел ему в спину с переменчивым чувством. В конце концов он крикнул вслед:

— Завтра на рассвете выезжаем в Чаоси. Я найду лекаря, который тебя вылечит.

Лу Лин на миг замедлил шаг, с обидой думая: «Раз мы не муж и жена, зачем говорить эти слова, полные притворного участия?» Но, побоявшись, что Шужуй и впрямь может его бросить, он лишь тихо хмыкнул «угу» и вышел за дверь.

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, Шужуй подготовил припасы, накормил и напоил осла в загоне и попросил слугу помочь запрячь повозку. Несмотря на ночной отдых, он почти не спал. И без того нервы были натянуты из-за побега из дома, а тут еще эти события — на душе было беспокойно. Под глазами залегли темные тени. Он всё думал о Лу Лине, и мысли эти злили его.

Лекарь сказал, что тот потерял память и в первые минуты после пробуждения принимает всё за чистую монету. Знай Шужуй заранее, что бедолага и впрямь всё забудет, не стал бы он так самонадеянно врать. Теперь же он искренне пытался всё объяснить, а тот не верил.

В раздумьях Шужуй вывел осла к воротам и увидел у дороги человека. С узлом через плечо и огромным мечом на поясе, Лу Лин стоял, будто впав в оцепенение. Его глаза, черные как тушь, были пустыми и выражали невыразимое смятение. В утреннем тумане он застыл, словно деревянный столб.

В сердце Шужуя внезапно шевельнулось чувство вины. Живой человек в одночасье лишился памяти — должно быть, он сейчас чувствует себя так, словно блуждает в тумане. Если бы Шужуй сейчас тайком сбежал, он бы избавился от обузы, и не нужно было бы ломать голову, куда пристроить человека и как его лечить. Можно было бы избежать стольких проблем.

Но по совести Шужуй не мог так поступить. Если бы он привык прятаться от трудностей, он бы не сбежал из дома Бай и не привез бы сбитого Лу Лина на станцию, когда на дороге не было ни одного свидетеля. Потеря памяти у Лу Лина случилась по его вине. Сбеги он сейчас — и покоя ему не видать до конца дней. Даже если сам он сейчас стоит в тумане и не знает, что ждет его впереди — весеннее солнце или суровая зима — он должен нести ответственность.

Приняв это решение, Шужуй почувствовал, как на душе стало легче. Однако прежде чем брать на себя полную ответственность, нужно было заставить Лу Лина понять и принять: они — не супруги.

Собравшись с духом, Шужуй позвал:

— Лу Лин, поехали!

Увидев Шужуя, Лу Лин немного оживился и зашагал к нему. Колеса заскрипели, оставляя след на земле; ослиная повозка тронулась сквозь редящий туман. Шужуй дал Лу Лину две еще теплые лепешки, а сам взялся за вожжи.

Вчера он до смерти перепугался, когда сбил человека. Сердце замирало от страха, мысли были

только о том, как скорее найти лекаря, поэтому управлять повозкой было не страшно. Теперь же, когда всё улеглось, воспоминания о вчерашнем происшествии и утренний туман, мешающий обзору, заставляли его сердце колотиться.

Осел мотнул головой, чихнул и дернул вожжи, отчего Шужуй качнулся вперед. По спине пробежал холодный пот. Животные только кажутся глупыми, на самом деле они очень хитрые. Почуввав, что возница не может с ними совладать, необъезженные ослы и мулы начинают вредничать: просишь на восток — они на запад, просишь быстрее — плетутся нога за ногу.

Осел Шужуя казался сильным и могучим, но на самом деле был молод, упрям и нетерпелив. Поняв, что Шужуй не умеет им управлять, он вконец разгневался: то и дело норовил свернуть к обочине пощипать траву, да еще и нарочно дергал повозку.

Когда Шужуй уже сидел как на иголках, а на лбу выступила испарина, чья-то рука потянулась сзади и перехватила вожжи. Рука, гораздо крупнее его собственной, натянула веревки; на ней проступили вены. После нескольких уверенных рывков осел, который только что упрявился, вдруг присмирел. Шужуй попробовал отпустить вожжи и увидел, что повозка катится ровно — куда устойчивее, чем когда правил он сам.

Он облегченно вздохнул и невольно покосился на Лу Лина. Тот одной рукой грыз лепешку, а другой правил повозкой. Хотя лицо его и было холодным, всё его поведение казалось по-детски милым — может, из-за потери памяти. Шужуй не поскупился на похвалу:

— А ты здорово правишь!

Лу Лин слегка приподнял бровь:

— Дальше я буду править.

Видя это, Шужуй посерьезнел:

— Лу Лин, у тебя нет никаких зацепок, которые помогли бы найти твой дом. Мы едем в Чаоси, и я не знаю, приближаемся мы к твоему дому или отдаляемся. Но я обещаю сделать всё возможное, чтобы найти лекаря и вылечить тебя, а также постараюсь разыскать твою семью.

Шужуй договорил, но заметил, что Лу Лин смотрит только вперед, будто и не слышит его вовсе.

— Ты меня слышишь?

Лу Лин не ответил. Они сидели плечом к плечу, и не услышать голос было невозможно, если только ты не глухой. Шужуй понял: тот нарочно игнорирует его! Он нахмурился и тоже замолчал — в конце концов, тот всё равно всё слышал.

Лу Лин украдкой взглянул на Шужуя и, побоявшись, что тот разозлится, всё же выдавил:

— Ты вечно твердишь об этом, я не хочу слушать.

Шужуй округлил глаза:

— Но я говорю правду!

— Если всё так, как ты говоришь, и мы не супруги, то почему ты, одинокий гер, путешествуешь без родни и друзей? Почему ты отвез меня на станцию, когда со мной это случилось? И почему

теперь везешь в Чаоси? — Лу Лин посмотрел на Шужуя. — Я потерял память, но не рассудок.

Шужуй возразил:

— Моя скотина натворила дел и сбила человека. Неужто спасать нужно только собственного мужа? Я не из тех, кто сбивает и убегает, совесть у меня еще есть.

Лу Лин парировал:

— И у кого совесть есть, тот станет врать человеку без памяти, что они — муж и жена?

— ... — Шужуй немного смутился. — Я просто боялся, что ты начнешь вымогать деньги, вот и соврал для проверки.

— Если боялся вымогательства, зачем тогда потащил меня с собой?

Лу Лин чувствовал, что в словах Шужуя полно дыр. Раз тот так упорно пытается всё переиначить, значит, между ними в прошлом были какие-то обиды. Поразмыслив, он вспомнил: вчера гер спрашивал, не считает ли он его уродливым и не хочет ли из-за этого отказаться от него. Скорее всего, раньше он действительно пренебрегал им, гер обиделся, и теперь, пользуясь его беспамятством, хочет порвать все связи.

Если это так, то вина лежит на нем, и нынешнее положение — результат его прошлых ошибок. Но... при мысли о том, что от него хотят отделаться, на душе становилось очень горько.

Лу Лин внезапно натянул вожжи, остановил осла и с суровым лицом сказал:

— Раз мы не муж и жена, значит, мы — совершенно чужие люди. Сейчас я в порядке, руки-ноги целы, ходить могу. Тебе вовсе не обязательно навлекать на себя лишние хлопоты и тащить меня в Чаоси.

Шужуй увидел, как тот плотно сжал губы и нахмурился — ну вылитый обиженный ребенок. У Шужуя в голове зашумело: на что этот дурень сердится? Объясняешь ему, что у него нет «уродливого фулана», что он свободен — радоваться надо, а он недоволен! Шужуй почувствовал полное бессилие. Не слушает, не понимает — ну как такое может быть?

Пока Шужуй ломал голову, он заметил впереди на дороге женщину с ребенком.

— Мама, долго еще идти? У меня ноги опухли! Я не хочу больше идти! — хныкал малыш с несчастным лицом.

Женщина пыталась его уговорить, но безуспешно. Она сама была вся в поту, а ведь ребенка еще, видимо, придется нести на себе.

Видя это, Шужуй прищурился. Сегодня при расчете на станции он отдал сто шестьдесят вэней, да вчера за врача — еще несколько десятков. В кошельке хоть и не совсем пусто, но постоянные траты без дохода заставляли его сердце сжиматься. Путешествие и так обошлось дорого, а непредвиденные расходы только усугубили ситуацию.

К тому же он еще в пути и не знал, в каком состоянии его лавка. Столько лет прошло без присмотра — наверняка всё разваливается. Ремонт и обустройство потребуют денег, и его скромных запасов может не хватить.

Заметив, как уверенно Лу Лин правит повозкой, и вспомнив его недюжинную силу, Шужуй

решил, что тот без труда справится с ролью возницы. Увидев путников, он тут же прикинул выгоду: повозка всё равно пустая, можно подобрать пару пассажиров. Хоть немного подзаработает — хотя бы на корм ослу хватит, и то лучше, чем одни расходы.

Шужуй повернулся к Лу Лину и, видя, что его огромный меч может напугать людей, шепнул:

— Спрячь меч.

— Не хочу.

Лу Лин всё еще дулся из-за их спора и не желал слушаться.

Шужуй прищурился, хотел было сказать «не хочешь — слезай», но понял: если тот уйдет, он сам хоть и сможет как-то править, но ни за что не рискнет безопасностью других людей.

Пришлось пойти на хитрость и мягко уговорить его:

— Ну ладно, ладно. Раз тебе не нравятся мои слова и ты в них не веришь, я больше не буду об этом говорить.

Глаза Лу Лина блеснули. Лицо его всё еще выражало горделивую обиду, и он ничего не ответил, но руки уже сами отстегнули меч и спрятали его за спину под телегу. Шужуй отметил про себя, что парень-то отходчивый. Он приподнял бровь и поспешно прикрыл меч свертком с вещами.

— Подъезжай к той женщине с ребенком.

Лу Лин не понял, что задумал Шужуй, но молча подчинился.

— Госпожа, куда путь держите? День разгорается, жарко становится. У нас осел крепкий, повозка быстрая — садитесь, пусть у ребёнка ноги отдохнут.

Женщина, увидев радушие Шужуя, охотно заговорила:

— Мы в городок Шитоу к родне идем. Ваша повозка проезжает те края?

— Как раз через Шитоу и едем. Сейчас время такое — ни туда ни сюда, попутную телегу до города не сыскать, а солнце скоро совсем припекать начнет. До городка пешком еще часа два топтать. Если надумали, садитесь к нам, а то следующую повозку можно и не дожидаться.

Женщина явно хотела сесть, но всё же нерешительно спросила:

— Вижу, вы не здешние, не похожи на местных извозчиков. Сколько возьмете за подвоз до городка?

Шужуй ответил:

— Сколько дадите, пара монет — и ладно, будет ослу на сено. Просто видим, жара какая, ребенку тяжело, вот и решили подсобить.

Услышав это, женщина предложила:

— Тогда дам три вэня, до городка-то уже не так далеко.

— По рукам, — отозвался Шужуй. Он спрыгнул с повозки и помог усадить ребенка.

Шужуй устроился сзади вместе с женщиной и малышом и завел неспешную беседу.

— Сколько лет ребёнку? Ходит ли уже в школу грамоте учиться?

Малыш при виде незнакомца засмутился и не ответил. Женщина пожурела сына и повернулась к Шужую:

— В деревенской школе учится. Такой же упрямец, как и отец его, не к учебе душа лежит. Хотела было забрать, но в наши дни любая приличная работа требует грамотности и умения считать. Нам, беднякам, ох как нелегко...

Шужуй кивнул:

— Сердце родителей всегда за детей болит. Как бы трудно ни было, всегда хочется для них лучшей доли.

Женщина почувствовала участие Ши Жуя и оттаяла. Она стала рассказывать Шужую про урожай этого года, про учебу сына, про налоги... Шужуй умел слушать такие житейские истории, чем окончательно расположил к себе попутчицу.

Разговор шел бойко, и женщина, заметив статного и красивого возницу, который всю дорогу молчал и казался очень холодным, не удержалась от вопроса:

— Какой пригожий молодой человек! А вы кем друг другу приходитесь?

Шужуй с улыбкой ответил:

— Это мой старший брат, мы вместе едем в столицу префектуры на заработки.

Женщина уже хотела спросить, женат ли он, но не успела раскрыть рта, как возница вдруг холодно бросил одно слово:

— Нет.

— Что «нет»? — женщина в недоумении посмотрела на Шужую.

Лу Лин обернулся:

— Мы — муж и жена.

— А?

Женщина, видя, что они говорят разное, заподозрила неладное и инстинктивно прижала к себе ребенка:

— Как же так — то брат, то муж?

Шужуй, видя, что женщина насторожилась, незаметно завел руку за спину Лу Лина и больно его ущипнул, призывая замолчать, а сам продолжал улыбаться:

— Простите, госпожа, я не всё рассказал. Он мой дальний родственник. Мы оба уже вошли в возраст, вот родные и решили нас поженить. С детства привык называть его братом, и теперь, когда статус сменился, никак не привыкну. Мой двоюродный брат человек неразговорчивый, холодный, да еще и упрямый до жути — не выносит пустой болтовни. Не обращайтесь внимания,

пусть себе правит.

Только тогда женщина облегченно вздохнула.

— Вот оно что! В нашей деревне тоже такие есть. Свои-то родственники — оно надежнее, знаешь человека как облупленного, не то что чужак со стороны.

Шужуй, боясь, что женщина продолжит расспросы, обратился к малышу:

— Скучно сидеть в повозке, давай я тебя стихам научу?

Малыш кивнул, и Шужуй принялся вместе с ним повторять строки из «Троесловия».

Лу Лин, сидевший впереди, больше не проронил ни слова. Хоть Шужуй и ущипнул его изо всех сил, он почти не почувствовал боли. В его пустой голове крутилась лишь одна мысль: «Значит, мы поженились, потому что мы — дальние родственники...» Эта идея прочно засела в его сознании, и странным образом необъяснимая тревога, терзавшая его сердце, начала понемногу утихать.

—

<http://bllate.org/book/17079/1592115>